

Мармеладный мишка молча смотрел на него с улыбкой, по-прежнему не реагируя.

Сы Ханьцзюэ терпеливо ждал. С первой встречи со своей конфеткой он знал, что мармеладный мишка не похож на обычные конфеты. Его нежность идёт изнутри, он милый, цвета, словно у розового эльфа, застывший сахарный сироп будто обладает душой. И сейчас этот проникающий в самое сердце кристально-медовый розовый цвет отличается от тусклого оттенка, который был, когда он чуть не раскололся... Как будто его конфетка ожила.

Сы Ханьцзюэ поставил мармеладного мишку на журнальный столик, лёг на диван, не раздеваясь, и спокойно смотрел на свою конфетку.

Держась за эту странную надежду, Сы Ханьцзюэ упрямо хотел охранять своего мармеладного мишку.

Время текло секунда за секундой. Дождавшись поздней ночи, у Сы Ханьцзюэ разболелась голова. Он свернулся калачиком от боли и наконец крепко заснул.

Купаясь в лунном свете, мармеладный мишка пошевелил ножкой, затем ручкой, глазки забегали, и вся конфета заструилась лукавым, кристально-чистым сиянием, подобным лунному.

Тан Сяотан очнулся.

В тишине ночи лунный свет, словно серебряная пыль, рассыпался вокруг, окутывая мармеладного мишку фантастическим свечением. Тан Сяотан, придерживая большую голову, сел и тихонько застонал.

У конфеты болела голова.

Там, где раньше была огромная трещина, почти разделявшая её надвое. Тан Сяотан потряс головой, убедившись, что не слышит звуков «бульк-бульк» текущей воды.

Из-за того что ручки были слишком короткими, конфета никак не могла дотянуться до раны на затылке, но, увидев разбросанные на журнальном столике инструменты для изготовления мармелада, он догадался, что, наверное, хозяин починил его.

Хозяин такой хороший.

Тан Сяотан сидел на журнальном столике, как сонный человечек, и лишь спустя долгое время пришёл в себя. Когда головная боль немного утихла, он покачиваясь встал и со слезами на глазах посмотрел на спящего хозяина.

Эх, не получилось.

Конфетке не удалось подарить себя.

Деньрожденный сюрприз превратился в испуг, и хозяин, который так и не отпраздновал как следует свой день рождения, наверное, расстроился.

Тан Сяотан уныло смотрел на хозяина. Рука Сы Ханьцзюэ свисала с края дивана, выглядывая из-под серого пледа. Аккуратно подстриженные чистые ногти мерцали в ночи лёгким светом, на тыльной стороне руки светло-пшеничная кожа источала сильную, мужественную теплоту, каждый сустав был подобен тщательно выточенному бамбуковому изделию.

На тыльной стороне руки был едва заметный, почти исчезнувший шрам — след от пореза стеклом рамки, когда у Сы Ханьцзюэ впервые случился приступ биполярного расстройства.

Взгляд Тан Сяотана задержался на этом шраме. Осторожно спрыгнув на диван, он нежно коснулся головой кончиков пальцев хозяина.

Температура хозяина такая приятная.

Тан Сяотан бесшумно приблизился и остановился перед самым носом Сы Ханьцзюэ.

Брови Сы Ханьцзюэ были слегка сведены, что говорило о беспокойном сне, тонкие губы плотно сжаты, дыхание то ускорилось, то замедлялось — признак тяжёлых дум.

Он подошёл ещё ближе. Горячее дыхание Сы Ханьцзюэ коснулось его лица, и щёчки Тан Сяотана моментально покраснели, словно сладкие спелые ягоды. Аромат конфеты, похожий на мёд, мягко окутал лицо Сы Ханьцзюэ.

Сы Ханьцзюэ пошевелил носом и в сладком, липком аромате постепенно разгладил морщинку между бровями.

Тан Сяотан взял руку Сы Ханьцзюэ и, словно лепестки, нежно и бархатисто прикоснулся губами к шраму на тыльной стороне руки с благоговением.

— Хозяин...

Тан Сяотан глупо улыбался, потираясь о шею Сы Ханьцзюэ.

— Хозяин... конфетка очень любит хозяина... конфетка обязательно восполнит хозяину день рождения...

Утром.

Сы Ханьцзюэ пробудился от привычного приятного ощущения. На этот раз он проснулся особенно рано, за окном ещё сверкали звёзды, в воздухе витал остаточный густой аромат. Этот запах был гораздо насыщеннее и слаще, чем при каждом предыдущем пробуждении, восхитительный, словно взорвавшаяся конфетная бомба, но совсем не приторный, сладкий, от которого душа пускается в пляс.

Это был аромат мармеладного мишки.

Вчера перед сном такого сильного запаха не было.

Сы Ханьцзюэ пошевелился и обнаружил, что мармеладный мишка прилип к его щеке, тихо улыбаясь.

В полной тишине прошло целых три минуты, прежде чем Сы Ханьцзюэ осторожно взял мармеладного мишку и нахмурился.

Сы Ханьцзюэ был морально готов и не испугался. Бережно подняв конфетку на ладони, он медленно нахмурил брови.

Уголки губ мармеладного мишки были подняты, глазки глуповато смотрели на хрустальную люстру на потолке, сохраняя милый и послушный вид.

Возможно, потому что мармеладный мишка был слишком близко, сегодня воздух был особенно насыщен сладостью. Тело было лёгким, словно парило в облаках, головная боль, что чуть не разыгралась прошлой ночью, исчезла бесследно. В невероятно сладком аромате он поднялся с кровати и вдруг вспомнил кое-что. Ощупав карманы, обнаружил, что то прослушивающее устройство в суматохе осталось в офисе.

Сы Ханьцзюэ оставил конфетку, умылся, привёл себя в порядок и параллельно позвонил, чтобы поинтересоваться состоянием железногоголового Цзян Юя, попросту предоставив ему десятидневный оплачиваемый отпуск, чтобы тот как следует отдохнул.

Цзян Юй, с одной стороны, ликовал:

— У-у-у, мой босс самый лучший!

А с другой стороны, словно раздвоение личности, превратился в опытного сыщика, выведывающего информацию:

— Босс, как вы провели вчерашний вечер? Мармеладный мишка признался вам? Ночь была сладкой? Счастливой?

Сы Ханьцзюэ ответил спокойным голосом:

— Так себе. Ты поговорил с полицией? Удалось что-нибудь выведать у тех людей?

Цзян Юй:

— Хе, да это же ваш тот самый...

Он сделал паузу и запел:

— Жизнь всегда кисло-сладко-сладко-сладкая! Вчера вам было сладко?

Сы Ханьцзюэ...

Цзян Юй, вероятно, сделал какую-то неприличную гримасу, дёрнул шрам на голове, болезненно зашипев, и, предвкушая предстоящий оплачиваемый отпуск, с радостью воскликнул:

— Босс, я вам правда завидую, такая прелестная маленькая штучка! Вы уже пробовали? Сладкая?

Всё-таки превращение мармеладного мишки в маленького духа было немного пугающим, поэтому он изо всех сил старался использовать «тайный язык», который, как он думал, Сы Ханьцзюэ поймёт:

— Вы уже пробовали? Сладкая?

Сы Ханьцзюэ помолчал.

— Цзян Юй.

Услышав своё полное имя, Цзян Юй испуганно выпрямился.

— А?

Сы Ханьцзюэ раздражённо спросил:

— Это ты бросил мою конфетку в коридоре?

Цзян Юй опешил.

Сы Ханьцзюэ глубоко вздохнул.

— Учитывая, что ты ранен, я не буду с тобой разбираться.

С этими словами он положил трубку под душераздирающие крики Цзян Юя.

Цзян Юй отчаянно завопил:

— Нет! Босс, всё не так, как вы думаете! В паркинге ваша конфетка сама захотела подняться и спасти вас, поэтому оказалась в коридоре! Я здесь ни при чём, абсолютно ни при чём!

Бедняга уже несъяснял.

Глядя на экран сброшенного вызова, он сквозь слёзы сказал:

— Я сказал, что ваша конфетка пошла спасать вас, вы верите?

Хотя он и не услышал, что говорил Цзян Юй, Сы Ханьцзюэ не был полным простачком.

Он просто совершенно не учитывал вопрос боевых способностей мармеладного мишки...

Сы Ханьцзюэ нахмурился, глядя на мармеладного мишку, хотел что-то сказать, но промолчал.

Одно предположение всё сильнее крутилось в голове, не давая покоя.

Если бы удалось достать прослушивающее устройство... Сы Ханьцзюэ встал, чтобы умыться, плеснул на лицо холодной воды, краем глаза на мгновение задержался на месте, где лежала зубная щётка, и быстро отвел взгляд, словно обжёгшись.

В больнице Цзян Юй метался, как живая рыба на сковороде, медленно поджариваемая на медленном огне под гнётом угрызений совести.

Судя по реакции босса, кажется, маленький друг так и не открылся ему?

Неужели план провалился?

Цзян Юй вспомнил музыкальную шкатулку, разбитую на запчасти, и потрёпанную подарочную коробку, и его совесть вновь заняла под ударами самобичевания.

Кажется, он разрушил план маленького друга.

Тем временем Сы Ханьцзюэ закончил умываться, надел идеально сидящий костюм, поправляя одежду, краем глаза невольно бросил взгляд на отражение в зеркале — на угол журнального столика, где лежал мармеладный мишка.

Тан Сяотан послушно лежал на журнальном столике, сохраняя позу на спине с поднятой большой головой, краем глаза также изо всех сил пытаясь разглядеть хозяина.

Что-то сегодня хозяин очень медленно одевается?

Вчерашний план признания провалился, и капелька смелости в сердце Тан Сяотана снова улетучилась. В таких делах главное — действовать на подъёме, а на второй раз уже страшновато.

Нужно придумать новый хороший план.

И ещё его большой союзник. Тан Сяотан помнил, как вчера у Цзян Юя была разбита голова. Добрая конфетка решила сначала поинтересоваться состоянием союзника, а потом вместе придумать другой способ.

Он смотрел на Сы Ханьцзюэ, который, казалось, старательно одевался, затем на оставшуюся на журнальном столике большую пачку розовых конфет.

Он помнил, что большому союзнику очень нравились эти конфеты.

Слюнки текут.

И конфетке они тоже нравятся.

<http://bllate.org/book/15589/1395444>